

дящие своими корнями в древность этнографические концепции, различного рода магические и полумагические представления.

Возникает, однако, вопрос, как квалифицировать семиотически значимое проксемическое поведение, какое место занимает оно в культуре этноса? По нашему мнению, можно говорить о нем как об особом слое культуры общения. А культура общения является, как мы знаем, компонентом культуры этноса и в этом качестве — предметом этнографии общения⁵⁵. Правила проксемического поведения тесно связаны с другими компонентами культуры общения, их даже нельзя представить вне этой связи. Управление проксемическим поведением, осуществляется из единого центра, которому подчинено коммуникативное поведение в целом. Таким центром в культуре общения является этикет. Именно этикет задает основные правила проксемического поведения. Отсюда присущий этим правилам специфичный этический акцент.

В заключение мы еще раз хотим подчеркнуть, что этнография не может стоять в стороне от семиотики. Особенно это касается этнографии общения. Нужен специальный историко-этнографический анализ семиотического уровня социальных связей и отношений, который представлен как речевыми, так и неречевыми стандартами и атрибутами общения. Результаты подобных исследований были бы полезны не только в качестве дополнения к информации о различных сферах быта народов. По нашему глубокому убеждению, не меньшее значение могут иметь они для решения проблемы, которая в советской этнографии выдвинулась сейчас едва ли не на первый план. Это проблема механизмов функционирования, жизнеобеспечения этнических культур, культуры этносов в целом.

⁵⁵ См.: Бгажноков Б. Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения). — Сов. этнография, 1978, № 5.

В. П. Орфинский

К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА

Для исследователей деревянного зодчества нет мелочей — даже незначительные на первый взгляд архитектурные детали способны многое рассказать об особенностях материальной культуры того или иного народа и специфике его контактов с соседними народами. Вот почему участники экспедиции Петрозаводского университета в Архангельскую область летом 1981 г. испытали и удовлетворение, и разочарование. Первое — когда в процессе обследования народных построек им удалось зафиксировать широкое распространение на Каргопольщине характерных для Юго-Восточной Карелии русских печей с выступающим вперед жаратком, отметить в Плесецком районе северо-восточную границу ареала двойной припазовки венцов в срубах и проследить за изменением характера орнаментики крестьянских домов. Второе — когда уже после окончания экспедиции они побывали в музее под открытым небом в Малых Карелах под Архангельском и увидели там, в Каргопольском секторе, воспроизведение не характерных местных вариантов печей и домовой резьбы, а усредненные для Русского Севера решения, либо довольно произвольные импровизации на тему народной архитектуры; при этом реставрация памятников деревянного зодчества порой подменялась их имитацией.

К сожалению, подобные явления в реставрационной практике отнюдь не редкость. Предопределены они в значительной степени несовершенством распространенной методики обследования сооружений деревянного зодчества — «штучным» подходом к выбору объектов и недостаточной

объективизацией получаемых научных данных. Убедиться в этом автор смог на собственном опыте.

Исходив в течение 20 лет Карелию вдоль и поперек, он вообразил, что досконально изучил ее архитектуру. Но к началу 1970-х годов наступило отрезвление: оказалось, что за типичное им нередко принималось не самое существенное и даже не наиболее часто встречаемое, а то, что в силу разных причин сильнее поражало воображение и потому лучше запоминалось. И хотя автор искренне пытался обуздать эмоции, субъективность восприятия преодолеть полностью не удалось. Не помогли и тысячи рисунков, фотографий, записей в дневниках — безбрежное море материалов не поддавалось осмыслению. Разумеется, автор знал, что для преодоления непрерывности явления нужно разбить его на обозримые части, т. е. классифицировать. Но к началу 1970-х годов не существовало типологии, охватывающей все приемы, формы и детали деревянного зодчества, а отдельные частные классификации, порою противоречащие друг другу, не складывались в единую систему, лишняя раз подтверждая, что сложное и противоречивое целое отнюдь не равнозначно сумме его частей.

Казалось бы, чего проще: пронумеруй полочки и разложи на них в определенном порядке материалы отдельно по сооружениям и деталям. Не получилось — измени порядок, и так до тех пор, пока материалы не выстроится в стройную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Но метод слепого перебора вариантов бесперспективен, и нужна обоснованная рабочая гипотеза, позволяющая увязать принцип классифицирования с характеристиками или закономерностями, общими для всех классифицируемых явлений. Такая гипотеза применительно к народной архитектуре была впервые сформулирована автором в работе «Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция, национальные особенности»¹. В основе гипотезы лежало представление о деревянном зодчестве как о целостном явлении, отдельные элементы которого — жилые, хозяйственные и культовые постройки — объединены генетическими связями: общностью происхождения от клетки архаичного жилища. Последнее обстоятельство позволило охватить все формы архитектурно-строительной деятельности народа единой классификационной системой, базирующейся в первую очередь на генетических признаках и эволюционных тенденциях. При этом с самого начала стало очевидным, что такая система должна быть открытой для возможных дополнений — ведь былое многообразие деревянного зодчества далеко не в полной мере характеризуется известными постройками. И, наконец, спецификой объекта исследования определялось еще одно неперемное требование к такой системе — ее разветвленность и, следовательно, значительная классификационная емкость. Дело в том, что нивелирующая роль дерева как строительного материала предопределила научную ценность даже незначительных на первый взгляд деталей и особенностей, во многом характеризующих направленность процесса развития архитектуры, процесса сложного, в котором постепенность количественных изменений прерывалась качественными скачками — стилистическими переломами. Смену стилей, связанную с принципиальными изменениями архитектурно-художественного мышления, можно обнаружить при анализе ключевых для каждой эпохи сооружений. Другое дело эволюционные преобразования, которые проявляются не в сплошной замене одних форм другими, а в изменении во времени соотношения различных сосуществующих форм. Это обстоятельство особенно важно учитывать, ибо традиционность народного деревянного зодчества обусловила длительное сохранение форм, характерных для разных эволюционных этапов.

¹ Диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры, защищенная в Центральном научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры в 1976 г., — итог четвертьвекового изучения деревянного зодчества Карелии и сопредельных областей Русского Севера.

Не менее сложна картина взаимодействия архитектурных тенденций, обусловленных социально-экономическими, природными и этнокультурными факторами в территориальном разрезе — в различных географических и историко-культурных зонах. Поэтому при комплексном рассмотрении развития деревянного зодчества во времени и в пространстве единственно объективные характеристики этого процесса — хронологические и территориальные ареалы соответствующих приемов, форм и деталей — могут быть выявлены лишь на основании детального статистического анализа определенного множества традиционных построек (в идеале всех сохранившихся и достоверно известных).

Все перечисленное и определило структуру разработанной автором «Сводной классификационной системы приемов, форм и деталей деревянного зодчества», которая состоит из 47 подсистем, охватывающих селения, отдельные постройки (комплексы) и их элементы. При этом на высшем уровне каждой подсистемы (на уровне типологических групп) классифицирование производилось с учетом основных формообразующих процессов. Например, для поселений в первую очередь учитывался характер их общей объемно-планировочной структуры (по терминологии этнографов, «формы поселений»); для усадеб — основной принцип их организации как жилищно-производственных комплексов: открытый или закрытый двор, а для жилой части усадеб (или отдельно стоящих жилых домов) — ведущая продольная тенденция развития: жилище одночастное (изба), двухчастное (жилые помещения — сени), трехчастное (жилые помещения — сени — жилые помещения); для культовых построек — направленность их композиционной оси: так называемые клетские сооружения (с горизонтальной композиционной осью), генетически связанные с крестьянским жилищем, башенные (с вертикальной композиционной осью), прототипами которых являлись крепостные башни или боярские хоромы, двухосные, объединившие два предыдущих типа путем соединения башенного храмового столпа с обширной трапезной (результат совместного решения культовых и мирских задач: церковные трапезные на Русском Севере начиная с рубежа XVI—XVII вв. являлись центрами земского самоуправления).

Дальнейшая дифференциация классифицируемых признаков с учетом их роли в становлении и развитии деревянного зодчества обусловила разветвленную ступенчатую структуру подсистем, включавших, помимо типологических групп, подгруппы, типы, подтипы, разновидности и в необходимых случаях варианты и подварианты каждого из типологических подразделений (всего в системе 1799 подразделений). Размеры журнальной статьи не позволяют остановиться на всех подсистемах «Сводной классификационной системы» (которая в настоящее время готовится к депонированию), поэтому мы проиллюстрируем принципы классифицирования и «эволюционной расшифровки» типологических подразделений лишь на примере амбаров, кажущаяся элементарность которых делает их классификацию наиболее наглядной и убедительной.

За исходную позицию автором было принято положение, что в народной архитектуре старые формы жилья, вытесняемые более прогрессивными, не исчезали, а лишь меняли свое назначение, порождая хозяйственные постройки, в том числе амбары, дальнейшая эволюция которых закономерно должна была отразить общую направленность развития жилища. В пользу такого предположения говорит общность некоторых тенденций эволюции жилых домов и амбаров: развитие в вертикальном направлении — постепенное «вырастание» из земли от полуземлянки к наземным срубам и от них к двухэтажным (дома) и двухъярусным (амбары) постройкам; развитие в продольном (от одночастных к двухчастным) и в поперечном направлениях (от четырехстенка к пятистенку). Но ведь, кроме того, известны амбары на столбах, выпадающие из описанной выше эволюционной схемы. Такие постройки позволяют утверждать, что существовало не одно, а два основных эволюционных направления: снизу вверх — подобно направленности развития жилища и сверху вниз — от охотничьих амбаров на деревьях к амбарам на столбах,

постепенно уменьшающихся по высоте, и от них к поземным срубам. А раз так, то распространенные в настоящее время формы амбаров можно рассматривать как итог независимых разнонаправленных эволюционных процессов, которые легко моделируются на высших уровнях классификационной подсистемы с помощью типологических групп амбаров, связанных с их генезисом, и подгрупп, характеризующих направленность основополагающего эволюционного процесса (рис. 1). Первая типологическая группа — амбары на столбах — с тремя подгруппами: *a* — на коренных столбах, *б* — на столбах-стульях двух вариантов — высоких (*б/1*) и низких (*б/2*), *в* — на столбах-вставках между нижним и последующим венцами; вторая типологическая группа — амбары на срубах, включающая две подгруппы: *a* — полуземлянки, *б* — наземные срубы в двух вариантах — поземные (*б/1*) и на подклете (*б/2*).

Последующие классификационные уровни позволили смоделировать все три характерные для амбаров тенденции развития. При этом вертикальную тенденцию конкретизировали два типа (*A* — одноярусные и *B* — двухъярусные амбары), варианты которых отразили конструктивные особенности в их эволюционной последовательности — амбары с плоской ($-/1$), односкатной ($-/2$) и двускатной ($-/3$) крышей, а подварианты — функциональные признаки: хлебные ($-/-1$), рыбные ($-/-2$) и прочие ($-/-3$) амбары².

Тенденция продольного развития амбаров отразилась на уровне подтипов (рис. 2): *1* — амбары без предместья или с открытым предместьем, *2* — амбары с навесами над входом, *3* — амбары с двухъярусными галереями и наружными лестницами, *4* — амбары с закрытым предместьем. Подтипы *2* и *3* имеют варианты, различающиеся конструкцией навесов и галерей: на кронштейнах ($-/1$), на столбах ($-/2$), на выпусках продольных стен ($-/3$), и подварианты, характеризующиеся отсутствием или наличием нависающих над входом антресолей (в одноярусных амбарах) или помещений (в двухъярусных). Перечисленные варианты и подварианты конкретизируют постепенный переход от подтипа *1* к подтипу *4*.

Тенденция поперечного развития амбаров отразилась на уровне разновидностей: *a* — четырехстенные амбары, *б* — пятистенные (с продольным перерубом) трехкамерные, т. е. разделенные продольной внутренней стеной не до конца (характерны только для типа *B*), *в* — пятистенные двухкамерные (для типа *A*) и четырехкамерные (для типа *B*). Все разновидности имеют два варианта, различающихся местоположением входа — с торца или сбоку ($-/1$ и $-/2$).

Как известно, сложнейшей в теоретическом отношении и одновременно наиболее актуальной применительно к задачам современной архитектурно-строительной практики является проблема национального своеобразия народной архитектуры, включая деревянное зодчество великоруссов и малых народов Европейского Севера. Многочисленные дискуссии по этому поводу, как правило, оканчивались безрезультатно из-за различия в оценках этноопределяющей роли тех или иных архитектурных особенностей. По-видимому, выход мог быть только один: не ограничиваясь детальным сравнительным анализом архитектурно-строительной деятельности различных этнических групп населения региона, попытаться выявить ареалы всех вариаций архитектурных приемов, форм и деталей, а затем, соотнеся их с этническими ареалами, акцентировать внимание на потенциально этноопределяющих признаках, рассматриваемых с учетом основных культурных тенденций. Решение

² В данном случае кажущаяся алогичность — выделение классификационных подразделений высшего уровня на основании формальных признаков, а подвариантов типов на основании функциональных характеристик — обусловлена тем, что конкретизация функционального назначения амбаров (помещений для хранения припасов и скарба), нередко менявшаяся в процессе эксплуатации без изменения общего объемно-планировочного решения, как правило, не играла основополагающей роли в процессе формообразования. Исключения составляют лишь охотничьи амбары, но специфика их развития отражена в рамках первой типологической группы на высшем уровне подсистемы.

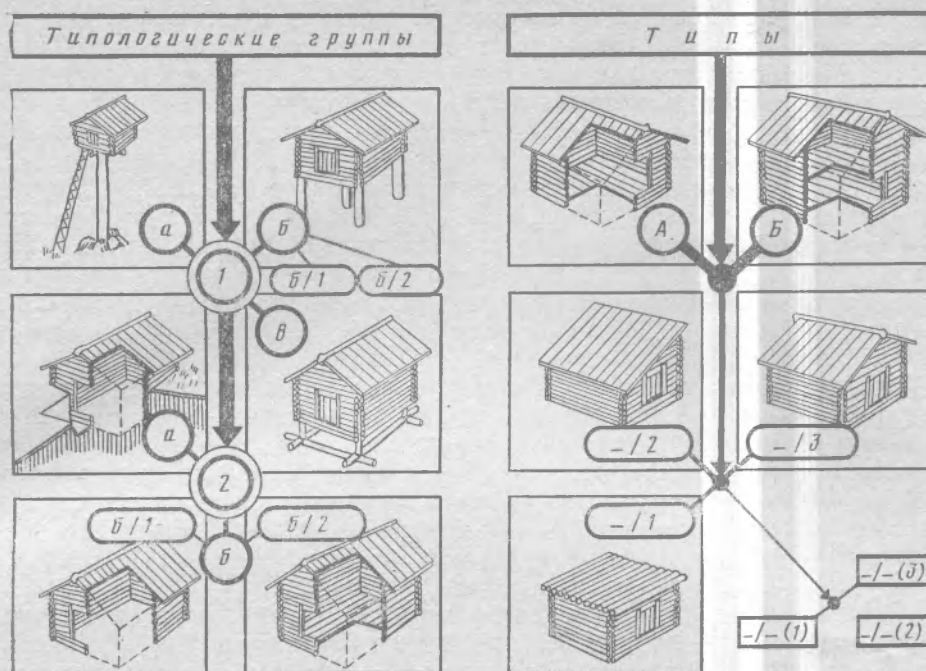

Рис. 1

такой многоплановой задачи потребовало соответствующего конструирования типологических структур при сохранении заложенного в них ведущего принципа — генетической и эволюционной обусловленности. Иллюстрацией к сказанному может служить разработанная автором классификация оконных наличников (рис. 3, 4).

Как известно, первоначально наличники в виде очелья и сливной доски защищали от осадков верхнюю часть оконных проемов с осадочным пазом и лишь позднее стали обрамлять проемы целиком. Эта эволюционная тенденция в классификационной подсистеме смоделирована на уровне двух типологических групп. Причем вторая группа подразделена на три подгруппы, конкретизирующие эволюционный процесс и отражающие генетическую ориентацию отдельных его этапов: *а* — наличники свободного очертания, *б* — наличники с ордерной композицией, возникающие под влиянием профессиональной архитектуры барокко и классицизма, *в* — наличники в виде рамы. Подгруппы 2б и 2в имеют варианты, различающиеся соотношением размеров боковых элементов (косяков) и архитравной части наличников: —/1 — архитравная часть равна или шире и —/2 — архитравная часть уже боковых элементов. Последняя особенность в условиях Карелии является этноопределяющей. Подтверждение тому — явное преобладание наличников с низким архитравом в районах с карельским населением и их созвучность с одной из характерных тенденций в художественной культуре коренных жителей края — с рационализмом художественного мышления карел, которые, зная, что деревянными балками небольшой высоты можно перекрывать просторные помещения, по-видимому, не захотели отступить от своего представления о дереве как строительном материале даже при решении декоративных задач. В противоположность им русские мастера в большей степени сохраняли ордерный принцип композиции наличников, порожденный тектоникой камня³.

Характер навершия наличников, обусловленный их генезисом, отражен на уровне типов (*А* — с прямоугольным, *Б* — с полукруглым, *В* — с треугольным сандриками, *Г* — с волютным навершием).

³ Орфинский В. П. Карельское деревянное зодчество и его связь с архитектурой Русского Севера.— Архитектурное наследие, 23. М.: Стройиздат, 1975, с. 66—67.

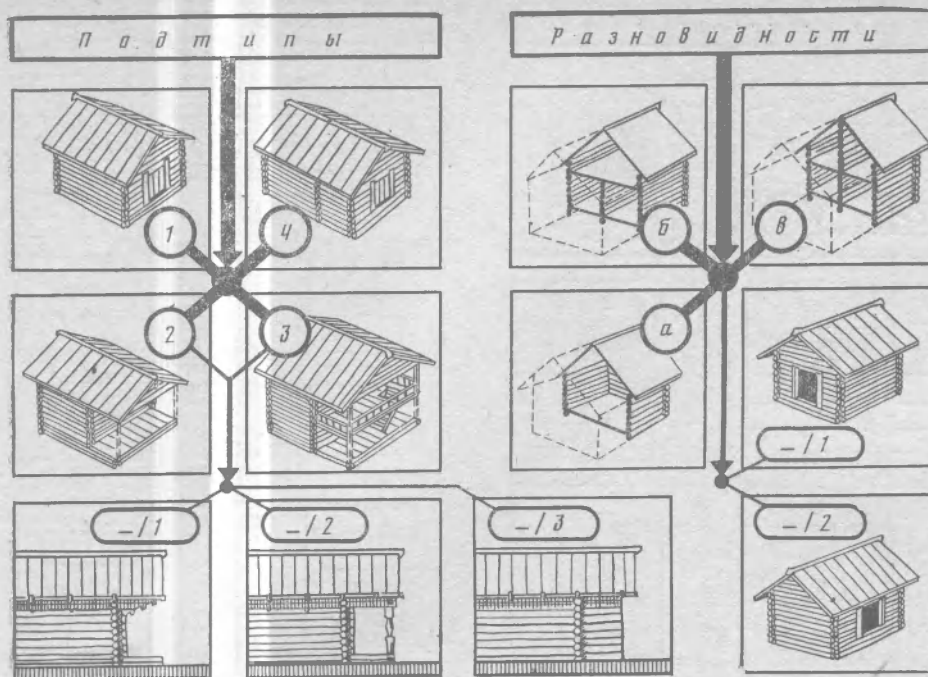

Рис. 2

Эволюционные тенденции декорирования наличников смоделированы на уровне вариантов типов раздельно для наличников с сандриками (типы А—В) в направлении усложнения декора (—/1 — без набивных украшений, —/2 — с набивными украшениями на поле наличника и —/3 — с набивными украшениями, выступающими за его пределы), а для наличников с волютным навершием (тип Г) — в направлении геометризации и обострения силуэта волют: Г/1 — с плавным криволинейным контуром, близким к каменным прототипам, Г/2 — с наметившимся изломом волют (переходная форма между Г/1 и Г/3), Г/3 — с ломаным геометризованным контуром.

В Карельской АССР последняя тенденция зафиксирована только в районах с карельским населением и, видимо, характеризует постепенное приведение заимствованной в городе барочной формы в соответствие с художественными вкусами карел. В самом деле, кульминационный этап эволюции — волютный наличник Г/3 с подчеркнуто «деревянной» трактовкой волют, с угловатым контуром, с более простыми геометрическими деталями — в полной мере соответствует вкусам коренного населения края: обостренная «колючесть» его силуэта предопределена природно-климатическими условиями Карелии, где из-за недостатка солнечного освещения и малой прозрачности воздуха изломы контура — факторы внимания — способствуют лучшему восприятию архитектурных форм (учет природных факторов — одно из проявлений ведущей тенденции всей материальной и духовной культуры карел — природоподражания); обострение силуэтных характеристик сближает архитектурную орнаментику с народными вышивками, отражая тем самым характерную для карел ассоциативную преемственность между различными видами народного творчества; наконец, геометризованные волюты более рациональны технологически (они изготавливаются с помощью обычного плотницкого инструмента).

Конкретизация декоративного убранства отражена на уровне подвариантов типов, включающих для сандриковых наличников (типов А—В) следующие характеристики: украшения в виде филенок или простых набивных деталей, аппликационный криволинейный орнамент, усложненный орнамент — сочетание двух предыдущих декоративных мотивов.

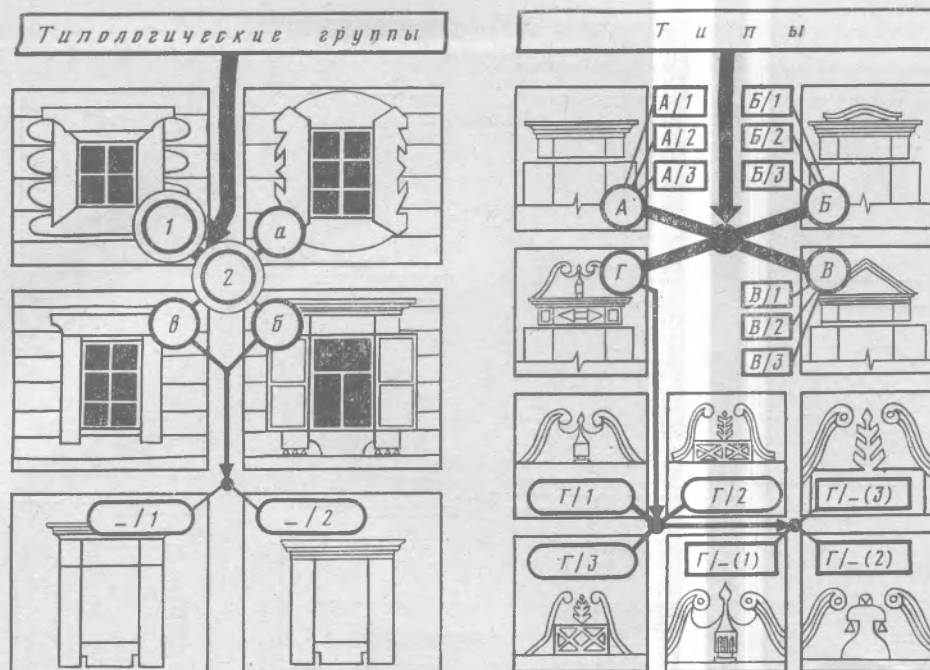

Рис. 3

Подварианты волютных наличников (типа Г) определяют характер средника навершия — расположенную между волютами стрелку или балясину (Г/—(1)), антропоморфное изображение — стилизованного «человечка» (Г/—(2)), стилизованное растение, чаще всего елочку (Г/—(3)). Абстрактно-геометрический средник (Г/—(1)) характерен для русского населения Южной Карелии и довольно точно воспроизводит каменные прототипы; антропоморфные изображения (Г/—(2)), зафиксированные у прионежских вепсов, генетически связаны с древней магией оберегов и созвучны аналогичным мотивам в народных вышивках⁴; стилизованное растение (Г/—(3)) — излюбленный мотив карельской орнаментики, по-видимому генетически связанный с древним языческим культом «мирового дерева»⁵, — еще одно проявление природоподражательности карел.

Эволюционная тенденция, определяющая превращение ставней из утилитарных в чисто декоративные и постепенное их отмирание как потерявших свой смысл пережитков, смоделирована на уровне подтипов наличников, их вариантов и подвариантов (рис. 4): 1 — с одним ставнем; 2 — с двумя ставнями; 3 — без ставней, но с их имитацией (3/1) путем сохранения рудиментов ставней (3/1(1)) и их изображения с помощью накладных планок на косяках (3/1(2)); 3/2 — без какой-либо имитации. Любопытно, что ставни-рудименты (3/1(1)) и имитация ставней (3/1(2)) зафиксированы в Карельской АССР, как правило, в районах с карельским населением, что, по-видимому, вызвано стремлением сохранить в виде символов привычные архитектурные детали — прямое следствие традиционности искусства карел⁶.

⁴ Орфинский В. Деревянное зодчество Карелии. Л.: Стройиздат, 1972, с. 46—47.

⁵ У карел культ священного мирового дерева, возникший, судя по Калевале, при первобытнообщинном строе (Калевала — Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, 1956, с. 11, 55—56), во многих своих проявлениях сохранился до XX в. (Вольтер Э. А. Крестовые сестры. К вопросу о некрокульте у финских народностей. — Живая старина. Спб., 1915, т. XXIV, с. 33—35; Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917, с. 76).

⁶ Орфинский В. П. Карельское деревянное зодчество..., с. 66.

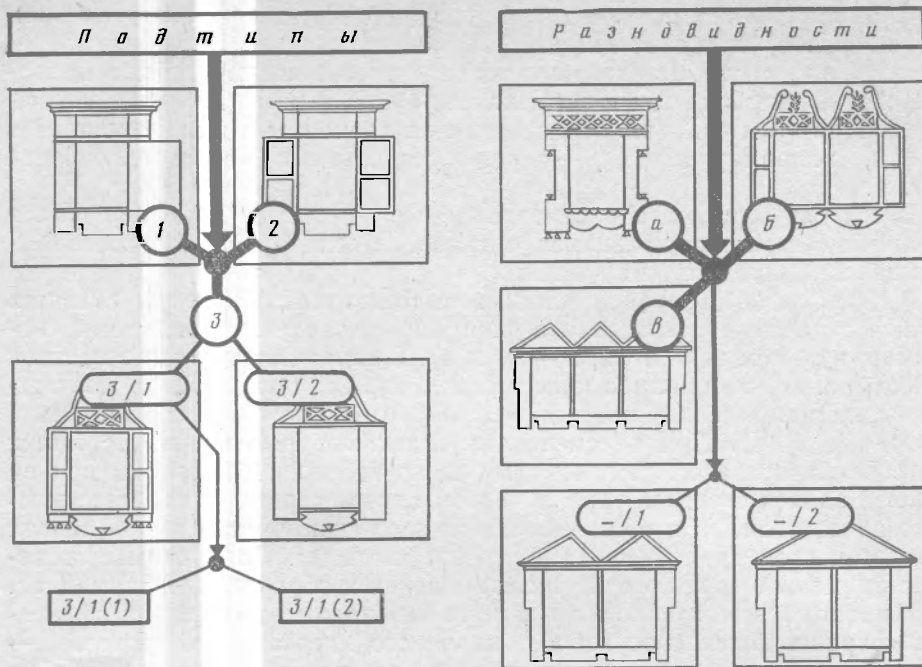

Рис. 4

Наконец, на уровне разновидностей и их вариантов отражены морфологические особенности наличников как количественные — по числу заблокированных окон: *а* — одиночные, *б* — двойные, *в* — тройные, так и качественные — создание сложных завершений путем механической стыковки (—/1) или органического слияния (—/2) более простых.

В своей совокупности подсистемы «Сводной классификационной системы», структурно аналогичные описанным, позволяют детально классифицировать все многообразие деревянного зодчества, оперируя различными классификационными уровнями. Правда, такой традиционный подход к классификации не раскрывал потенциальных возможностей системы. При использовании же всех классификационных уровней одновременно возникали осложнения из-за невозможности удержать в памяти многочисленные подразделения взаимосвязанных подсистем. Поэтому возникла необходимость в разработке вспомогательных технических приемов, облегчающих практическое использование системы. Основой ряда таких приемов стал метод кодирования, ключом к которому послужили непосредственно классификационные подразделения системы в цифровом и буквенном выражениях. Кодирование в свою очередь позволило записывать в виде типологических формул все основные характеристики обследуемых объектов.

Для составления этих формул подразделениям сводной классификационной системы присвоены типологические индексы, которые обозначаются арабскими цифрами: для подразделений высшего уровня — типов — с одним предшествующим нулем (например: 01 — объемно-планировочная структура селений, 02 — застройка крестьянских усадеб, 03 — бани и т. д.); для структурно-функциональных частей построек — с двумя нулями (001 — жилые и 002 — хозяйственные части усадеб, 003 — главные помещения культовых построек и т. д.), для структурных частей — с тремя нулями (0001 — фундаменты, 0002 — стены, 0003 — полы и т. д.), для деталей — с четырьмя предшествующими нулями (00001 — кронштейны, 00002 — потоки, 00003 — курницы и т. д.).

Типологические индексы ставятся в левой части формулы, предшествуя классификационным номерам типологических групп (арабские цифры) и подгрупп (строчные буквы русского алфавита). В правой час-

ти формулы даются номера типов (заглавные буквы русского алфавита), подтипов (арабские цифры) и разновидностей (строчные буквы русского алфавита). Варианты и подварианты классификационных подразделений указываются в знаменателе буквенных и цифровых обозначений. При этом подварианты следуют за вариантами и заключаются в скобки, например: А/1(1) — первый подвариант первого варианта типа А.

В тех случаях, когда рассматриваемые объекты характеризуются сложным сочетанием признаков, в типологических формулах соответствующие показатели суммируются.

Между левой и правой частями типологических формул ставится тире, а отдельные показатели в формулах разделяются запятыми (например, в общем виде 01, 2, а — А, 1, а). В случае отсутствия в частной классификации каких-либо классификационных подразделений соответствующие показатели в типологической формуле опускаются (например, 00004 — А, 1, а). При рассмотрении отдельных показателей, стоящих в левой или в правой частях формулы, во избежание путаницы при их кодовой записи ставятся тире: в первом случае справа от соответствующего показателя, во втором — слева от него (например, «1—» — первая типологическая группа, «—1» — первый подтип)⁷. Кодирование позволило применить перфокарты для накопления и обработки информации⁸.

Но всего этого оказалось мало из-за необходимости сплошной фиксации сохранившихся сооружений народного деревянного зодчества — как потенциальных памятников архитектуры, так и построек, донесших до нас отдельные традиционные приемы и детали. Такая необходимость закономерно вытекает из постановления Совета Министров РСФСР 1980 г. «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры» в свете Закона СССР и Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В нем, в частности, запрещался снос старых деревянных строений, имеющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, до обследования их органами охраны памятников. Но в условиях Русского Севера выполнить последнее требование отнюдь не просто из-за большого количества сохранившихся традиционных построек, разбросанных на обширной территории, и недостатка специалистов, способных квалифицированно судить об их ценности.

В мае 1978 г. пленум ЦС ВООПИК, рассматривая проблему охраны памятников истории и культуры в сельской местности РСФСР, рекомендовал в первую очередь обследовать все виды памятников и провести инвентаризацию селяемых селений для выявления культурных ценностей, подлежащих сохранению и определению форм их охраны и использования. Такая очередность разрешения проблемы закономерна: никто не может сохранять нечто неизвестное ему самому.

Вот почему сплошное, а не практиковавшееся до последнего времени выборочное обследование историко-архитектурного наследия стало первоочередной задачей в деле его охраны и использования. Но, как уже отмечалось, решение этой задачи упирается в недостаток специалистов. Поэтому и возникали предложения привлекать к обследованиям студентов — основной резерв потенциальных исследователей. Правда, на практике такое привлечение нередко оказывалось малоэффективным из-за низкой степени достоверности получаемых результатов. Но последнее обстоятельство порочит не идею, а лишь способы ее реализации: привлекая студентов к исследовательской работе, необходимо, чтобы их усилия направлялись в нужное русло специальным набором пра-

⁷ См. Орфинский В. П. Метод кодирования и изучения памятников деревянного зодчества Русского Севера. Петрозаводск: Карельский Центр научно-технической информации, 1977, информ. листок № 11—77.

⁸ Приемы работы с перфокартами применительно к историко-архитектурному исследованию см. Плужников В. И. Типологическое сравнение памятников архитектуры. — В кн.: Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры, в. IV. М., 1976.

вил — своеобразной «канвой», позволяющей вполне однозначно в определенной последовательности проводить обследование с гарантией полноты и объективности фиксируемых характеристик. «Сводная классификационная система» содержит необходимые для этого предпосылки: иерархичность типологической структуры предопределяет последовательность обследования (от высшего уровня к низшему), а ее детерминированность, разветвленность и конкретность, облегчая процесс классификации (сопоставление реальных с классификационными подразделениями), закономерно повышает достоверность получаемых данных. Таким образом, требовалась лишь отработка научно-практических методов и приемов, позволяющих реализовать заложенные в классификационной системе предпосылки с тем, чтобы превратить ее в алгоритм для исследователей деревянного зодчества.

Первый удачный эксперимент был проведен уже в 1975/76 учебном году, когда группа студентов 2-го курса строительного факультета Петрозаводского государственного университета быстро и, главное, точно классифицировала и записала в виде типологических формул основные характеристики нескольких объектов Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы». При этом студенты использовали типологические справочники с вписанными в них в определенной последовательности классификационными подсистемами, основные типологические индексы которых были вынесены на наружную грань листов, имеющих специальные вырезы.

При последующих массовых испытаниях оказалось, что крупногабаритные справочники (21×30 см) не совсем удобны для работы в полевых условиях, особенно в ненастье, а в расшифровках классификационных подразделений допущены разночтения. И вот студенты университета, превратившиеся к этому времени в экспериментаторов, в качестве приложения к типологическому справочнику разработали иллюстрированные карманные (11×15 см) кодировочно-классификационные таблицы для наиболее массовых и структурно-сложных объектов⁹. Окончательный вариант таких таблиц получил широкую практическую апробацию в ходе работы Карельской комплексной историко-архитектурной и этнографической экспедиции Министерства культуры Карельской АССР, которая за два летних сезона 1979 и 1980 гг. впервые на Русском Севере провела инвентаризацию всего историко-архитектурного наследия такого значительного региона, как Карелия. При этом за 4 летних месяца (по 2 месяца ежегодно) два отряда экспедиции, преодолев путь общей протяженностью около 20 тыс. км, детально обследовали и зафиксировали в виде типологических формул, фотографий и в необходимых случаях схем 670 поселений и 5555 традиционных построек.

Если учесть, что в состав экспедиции входили преимущественно люди, впервые принимавшие участие в обследовании деревянного зодчества¹⁰, станет очевидным, что только благодаря методу кодирования с помощью типологических справочников и кодировочно-классификационных таблиц удалось выполнить такой беспрецедентный объем работ.

В процессе разработки «Сводной классификационной системы приемов форм и деталей деревянного зодчества» некоторые специалисты априорно высказывали сомнения в возможности ее распространения на другие регионы Русского Севера, мотивируя свой скептицизм «громоздкой разветвленностью» системы и «ее связью с локальной архитектурой

⁹ Авторы иллюстрированных кодировочно-классификационных таблиц — студенты Петрозаводского университета Е. Боброва, О. Васякович, М. Горностаева, М. Кочеткова, Л. Степанова, Т. Хрол.

¹⁰ В Карельской комплексной экспедиции Министерства культуры КАСР, возглавлявшейся автором, участвовали преподаватели и студенты Петрозаводского университета, проектировщики (преимущественно техники-архитекторы) института «Карелгражданпроект», этнографы и искусствоведы Государственного историко-архитектурного и этнографического музея «Кижы» и Музея изобразительных искусств Карельской АССР, сотрудники Карельской специальной научно-реставрационной производственной мастерской.

Карелии». Однако, как показали проводившиеся под руководством автора экспедиции в юго-западную часть Архангельской (1981 г.) и Ленинградскую области (1982 г.), система может быть успешно использована и за пределами Карелии. При этом для классифицирования специфических местных особенностей и деталей в соответствующие подсистемы вводились дополнительные варианты и подварианты основных типологических подразделений, без корректировки системы в целом, для чего последняя, как уже отмечалось, с самого начала конструировалась как система открытая. Важно подчеркнуть, что, как свидетельствуют экспедиции 1980—1982 гг. по Беломорскому Поморью преподавателя Петрозаводского университета П. П. Медведева, такая система может быть применена не только при обследовании традиционных крестьянских построек земледельческих поселений, но, при условии дополнительной конкретизации некоторых типологических подразделений, и для классификации деревянных сооружений в промыслово-рыболовецких селах, ориентированных на иной хозяйственно-бытовой уклад и несколько видоизмененную материально-техническую базу строительства.

Использование «Сводной классификационной системы» в качестве кодификатора при обследовании народного деревянного зодчества облегчает решение и другой важнейшей задачи — обработки поступающей в ходе обследования информации. Если на первом этапе такая задача, как уже отмечалось, решалась с помощью ручных перфокарт, позволивших экономить время при поиске необходимых данных и сравнивать объекты по довольно сложным сочетаниям признаков¹¹, то после завершения инвентаризации деревянного зодчества Карелии появилась необходимость дальнейшего усовершенствования процесса накопления и обработки информации, для чего в Петрозаводском университете кафедрой архитектуры совместно с вычислительным центром проводится работа по использованию для этой цели ЭВМ¹².

Как и в случае с перфокартами, структура типологической системы деревянного зодчества и составляющих ее подсистем позволила сохранить при машинной обработке информации все классификационные подразделения и лишь для сложных типологических формул, характеризующих сочетание многих признаков, применить дополнительные символы. Для введения соответствующей информации в машинную память на специальных инфокартах в табличной форме записываются шифр ареала, нумерация позиций в альбомах обследований, типологические формулы исследуемых объектов и их элементов.

С помощью ЭВМ можно проанализировать материалы обследований практически по неограниченному сочетанию признаков, наметить территориальные ареалы всех без исключения выявленных приемов, форм и деталей деревянного зодчества, вскрыть все существующие корреляционные связи, т. е. создать вполне объективную базу для широких научных обобщений и выводов.

Все исследователи деревянного зодчества неизбежно сталкиваются с проблемой хронологической атрибуции памятников, которые при отсутствии документальных данных обычно датируются с помощью архитектурно-конструктивного анализа, опирающегося в основном на личный опыт и интуицию исследователей. Кроме того, часто применяется визуальная оценка состояния древесины, являющаяся достаточно достоверной лишь при определении относительного возраста частей сооруже-

¹¹ Общая структура классификационной системы и тождественность структурного построения входящих в ее состав подсистем облегчили применение перфокарт, позволив (при перфокартах К-5), несмотря на значительный объем закодированной информации, использовать только наружную дорожку перфорации.

¹² Общее руководство работой осуществляет начальник университетского вычислительного центра Н. С. Рузанова. В 1982 г. непосредственными исполнителями являлись студенты строительного факультета университета Е. Боброва, М. Горностаева, О. Новик, Е. Сацук, И. Смирнова, О. Шубина и студенты физико-математического факультета К. Марусенко и А. Минин. С 1982 г. к работе подключен преподаватель П. П. Медведев.

ний. В отдельных случаях полезным бывает опрос местных жителей, анализ утвари и оборудования и т. д.

Как показал опыт Карельской комплексной экспедиции, более достоверные результаты дает архитектурно-археологический метод датировки сооружений¹³, опирающийся на закономерности эволюционного развития архитектуры с учетом совокупности объективных признаков, подразделяющихся на две группы: признаки, имеющие хронологические ареалы, и признаки, временные зоны распространения которых четко не ограничены. Первые позволяют определять абсолютные временные интервалы и являются основными при датировке построек, вторые могут служить лишь относительными критериями и в большинстве случаев играют второстепенную роль. В свою очередь хронологические ареалы первой группы признаков подразделяются на следующие зоны: 1 — зоны наиболее вероятного распространения, охватывающие промежутки времени, в которые соответствующие признаки являлись преобладающими; 2 — зоны вероятного распространения, где рассматриваемые признаки хотя и не преобладали, но встречались достаточно часто; 3 — зоны маловероятного распространения, в которых такие признаки встречались в порядке исключения. Для практического применения данного метода используются таблицы с графическим изображением соответствующих хронологических зон — архитектурно-археологическая шкала, путем сопоставления с которой анализируемых приемов, форм и деталей определяется весь возможный диапазон и наиболее вероятные интервалы датировок соответствующих сооружений.

При датировке обязательно должны учитываться следы всех реконструкций в их хронологической последовательности, а для культовых построек, кроме того, иконографические данные (например, подписные иконы). Полезен также композиционный анализ иконостасов, включающий определение размеров икон и следов их подгонки. Важным признаком является одновременность записи икон иконостаса, обычно соотносимая во времени с реконструкцией или ремонтом сооружений.

Правильной датировке способствуют также некоторые побочные признаки (монеты, иногда закладываемые при строительстве под косяки или вершники дверных колод, газеты, используемые для оклейки стен под обои и т. д.), точно ограничивающие нижний предел и служащие косвенным ориентиром для суждений о верхнем пределе возможных датировок постройки или ее реконструкции.

В силу статистического способа определения хронологических ареалов характеризуемые ими временные интервалы имеют степень вероятности, зависящую от объема статистической базы. Поэтому с учетом современной изученности вопроса для условий Карелии метод архитектурно-археологической датировки можно признать достаточно достоверным. Что же касается других регионов Русского Севера, то и для них этот метод, предполагая необходимость широкой экспериментальной проверки, все же позволяет наметить хронологические ориентиры и является в целом надежным средством объективизации историко-архитектурных обследований. Подтверждение тому — натурное изучение автором ряда объектов на сопредельных с Карелией территориях, а также широкий анализ литературно-иконографических источников и фотоархивных материалов.

Инвентаризация деревянного зодчества Карелии подтвердила перспективность комплексного подхода к изучению народной культуры благодаря возможности непосредственного сопоставления данных, полученных при методически однородных обследованиях различных проявлений архитектурно-строительной деятельности народа (жилых, хозяйст-

¹³ Орфинский В. П. Датировка памятников деревянного зодчества Русского Севера. Петрозаводск: Карельский Центр научно-технической информации, 1977, информ. листок № 16—77. Прецедентом использования описанного метода датировки был архитектурно-археологический анализ культовых построек Заонежья, выполненный финским исследователем Ларсом Петерсоном (*Pettersson L. Aänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950*).

венных и культовых построек), а также вследствие органического совмещения различных ракурсов обследования (историко-архитектурных, этнографических, искусствоведческих). И если первое слагаемое успеха явилось следствием преодоления элементаристского подхода к изучению народного зодчества, то второе — результат совместной работы по единой методике различных специалистов.

Применение комплексной методики обследований при изучении народной культуры как целостной системы, одной из подсистем которой является народное зодчество, думается, может выявить наиболее общие закономерности и тенденции культурного развития и разрешить ряд загадок, особенно на стыках научных дисциплин. При создании такой обобщающей методики, по-видимому, могут быть использованы некоторые изложенные выше методические принципы историко-архитектурных обследований, и в первую очередь опыт применения типологически-кодировочных справочников, архитектурно-археологической шкалы, позволяющих однозначно решать исследовательские задачи, способные меняться в зависимости от ракурса исследования, но неизменно сохраняющие свою детерминированность.

Впрочем, и до создания такой всеобъемлющей методики существует ряд возможностей расширения межнаучных контактов в деле изучения народной культуры. Одна из таких возможностей — ареальные исследования. В самом деле, по материалам Карельской комплексной экспедиции с учетом исторически сложившихся территориальных подразделений республики, физико-географических условий, этнокультурных особенностей населения, ареалов основных приемов, форм и деталей деревянного зодчества было намечено в первом приближении территориальное зонирование Карелии, включающее 11 территориальных зон, подразделенных на подзоны. Высокая степень детализации предложенной схемы зонирования позволяет не только территориально локализовать все, даже мельчайшие особенности народного деревянного зодчества Карелии, но и облегчает сопоставление объективных данных, полученных в результате исследования различных областей материальной и духовной культуры народов региона. Это подтвердила научная конференция в Петрозаводске (1981 г.)¹⁴. Несмотря на то что она была итогом параллельно проводившихся независимых исследований — комплексных историко-архитектурных и этнографических, чисто этнографических, искусствоведческих, фольклористических и фольклорно-музыковедческих, лингвистических, простое сопоставление выявленных в процессе таких исследований ареалов пролило свет на некоторые важные аспекты сложнейшей проблемы взаимодействия местных культурных традиций контактирующих этнических групп населения Карелии.

Итак, сводная классификация приемов, форм и деталей деревянного зодчества и научно-прикладной по отношению к ней метод кодирования уже стали применительно к Карелии и сопредельным областям Русского Севера достаточно надежным инструментом для более эффективных обследований сооружений деревянного зодчества, получив практическую апробацию в ходе историко-архитектурных экспедиций. Они оказались достаточно полезными при обработке архивных и литературных источников, ибо сокращали время на фиксацию необходимых сведений, и особенно при хранении и последующей обработке информации благодаря применению перфокарт и в перспективе — ЭВМ. Думается, что рассмотренная классификация и метод кодирования могут оказаться полезными и для исследователей деревянного зодчества в целом, а их применение, возможно, стать прецедентом при разработке единой методики комплексного изучения традиционной народной культуры, призванной объединить усилия специалистов смежных научных дисциплин.

¹⁴ См.: Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии (Тезисы докладов). Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, Союз композиторов ИАССР, 1981; Криничная Н. А. Конференция «Местные традиции материальной и духовной культуры Карелии». — Сов. этнография, 1982, № 1.